

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

КОНЕЦ ЛЕТА

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НЕГОДЯЙ

ЧУДО

СЕЗОН СТРАСТИ

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

ФРАНЦУЗСКИЕ КАНИКУЛЫ

УСЛЫШАННЫЕ МОЛИТВЫ

ГОРЬКИЙ МЕД

ДАНИЭЛА СТИЛ

ГОРЬКИЙ МЕД

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
BITTERSWEET
Copyright © 1999 by Danielle Steel

Перевод с английского *В. Гришечкина*
Художественное оформление *С. Власова*

Стил, Даниэла.

С80 Горький мед : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. В. Гришечкина]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096932-6

В прошлом Глэдис была известной фотожурналисткой, а сейчас ее главными заботами стали дом и четверо детей. Но она мечтает вернуться к любимой работе, хотя муж отказывается поддержать ее решение. Глэдис не знает, как поступить, ведь она не хочет разрушать семью. И в этот тяжелый момент судьба знакомит ее с миллионером Полом Уордом, который помогает Глэдис сделать непростой, но единственно верный выбор.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гришечкин В., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-504-096932-6

*Посвящается Тому с благодарностью
за все сладкое и горькое.
С любовью, Д. С.*

Никогда не отказывайтесь от своей
мечты. Где-нибудь, когда-нибудь, как-
нибудь вы ее найдете...

ЧАСТЬ I

Глава 1

Когда-то этот объектив видел гватемальских повстанцев и извержение вулкана, чудовишной силы наводнение и захватывающие события в джунглях Кении. Ох, это было блестящее время! Восторг, волнение и то редкостное состояние, когда в момент нажатия кнопки затвора чувствуешь — удача, удача! Вновь ее пестрые крылья шелестят над твоей головой, Глэдис Уильямс. Глэдис Тейлор, почтенную замужнюю даму и мать четверых детей, это чувство давно не посещало. О, конечно, талант ее остался при ней, но теперь лучший объектив Америки был нацелен на группу девятилетних мальчишек, которые толпой гонялись за футбольным мячом по лужайке стадиона. Вот наконец и настоящая куча-мала — руки, ноги, головы — фантастика, но все целы и невредимы. Глэдис знала, что где-то там, в самом низу, находится ее младший сын Сэм. На всякий случай она шелкнула затвором и быстро переключила кассету. Она обещала сыну классные фотографии и теперь всю тратила пленку. Слава богу, профессию она знала не понаслышке. Чтобы получить один удачный кадр, изведешь порой мили пленки. Но уж и результаты у Глэдис были таковы, что жалеть о потерянном времени не приходилось. Она была рада возможности провести сегодняшний теплый майский вечер в одном из парков Уэстпорта, наблюдая за азартной игрой мальчишек, среди которых был и ее Сэм, и вдобавок заняться любимым делом.

Да, теперь у Глэдис было четверо детей в возрасте от девяти до четырнадцати лет, и, значит, она жила в мире

забот, сопутствующих такому положению вещей. Футбол, бейсбол, плавание и теннис, балетные классы дочерей и, стало быть, бесконечные поездки с детьми на автомобиле туда и оттуда, и еще раз туда. Если учесть еще всю необходимую детям медицину, получалась жизнь на колесах. Правда, возили детей везде по очереди, договариваясь с соседями, создав так называемый автопул, но все равно однообразие такой жизни не то чтобы утомляло, но все-таки в душу безразличие и апатию.

Но упаси вас бог подумать плохо: Глэдис Тейлор любила своих детей и мужа и почти не тяготилась положением домашней хозяйки. Правда, в ранней молодости она вряд ли представляла себе, что судьба ее сложится именно так. То, о чем они с Дугласом когда-то мечтали, так и не сбылось. С возрастом обоим стало понятно, что это были просто красивые, романтические сказки, не имеющие никакого или почти никакого отношения к реальности. Зато теперь они твердо знали свое место в этой жизни. Все, о чем они думали и на что надеялись, когда двадцать лет назад впервые встретились в Коста-Рике, в американском Корпусе мира, осталось далеко в прошлом.

Лишь изредка Глэдис приходило в голову, что жизнь, которую она вела, стала такой только потому, что этого хотел Дуг. Он всегда умел добиваться своего. Грех жаловаться, на семнадцатом году супружества у них был большой дом в Уэстпорте, солидная страховка, счет в банке, четверо детей и лабрадор-ретривер. И ничего иного Дуг не желал. Каждое утро, в одно и то же время, он ехал на службу в Нью-Йорк, встречался там с одними и теми же людьми, работал с одними и теми же бумагами и чувствовал себя превосходно. Зарабатывал Дуг вполне прилично — он был старшим клерком в крупной маркетинговой фирме, и Глэдис могла позволить себе не думать о деньгах. Впрочем, они никогда не занимали ее мыслей. У нее были другие предметы страсти.

Те далекие дни в Корпусе мира Глэдис всегда вспоминала с легким чувством ностальгии, и вовсе не потому, что

тогда она была моложе. Просто ей нравились трудности, а особенно сознание того, что она делает что-то важное, что может принести человечеству пользу. И опасности, с которыми ей тоже приходилось сталкиваться, только подогревали ее пыл.

Фотографировать Глэдис начала рано — где-то на грани юности и детства. Обращаться с камерой научил ее отец, который работал специальным корреспондентом «Нью-Йорк таймс». К сожалению, видаться им приходилось достаточно редко, поскольку большую часть времени Джек Уильямс проводил вдали от дома, выполняя то или иное рискованное задание редакции. Глэдис безумно нравились отцовские фотографии, а еще больше истории, которые он рассказывал. Она грезилась о немислимых приключениях, но ее мечтам суждено было сбыться только после того, как Глэдис вступила добровольцем в Корпус мира и стала посылать свои снимки в газеты.

Ей удалось создать себе имя. Газеты сами стали поручать ей важные задания. Выполняя их, Глэдис сталкивалась то с бандитами, то с партизанами, которые почти ничем не отличались друг от друга, но она не задумывалась о степени риска. Глэдис наслаждалась тем особым чувством края бездны, так хорошо знакомым гонщикам, канатоходцам или серфингистам. Впрочем, и специально под пули она никогда не лезла. Глэдис завораживала смена лиц и мест, пестрая сумятица вечной новизны, когда ничего не усиливает радость. Работа приносила ей подлинную, ни с чем не сравнимую радость и ощущение неограниченной свободы.

Должно быть, именно поэтому — даже после того, как истек срок контракта с Корпусом мира и Дуг вернулся в Штаты, — Глэдис осталась в Центральной Америке. Она провела там еще несколько месяцев и подготовила несколько блестящих фоторепортажей. Потом за какой-нибудь год с небольшим она ухитрилась побывать чуть ли не во всех «горячих точках» планеты. Глэдис снимала, снимала, снимала. Должно быть, это было у нее в крови, в сер-

це, в душе, и противостоять этому тройному зову Глэдис не могла.

Дуглас был совсем другим. Он не бежал от опасности, но для него поездки Глэдис были просто приключением, то есть годились только в бурной молодости. Все мы отдаем дань сумасбродствам. Дуг стремился к тому, что он называл «реальной жизнью». Даже работу в миссии Корпуса мира он считал лишь этапом на пути к настоящему и гораздо более важному делу.

Для Глэдис реальной жизнью была фотография.

Карьера ее продолжала идти в гору. Она прожила два месяца в лагере гватемальских инсургентов и вернулась в Штаты с потрясающими фотографиями. Так пришло международное признание. Впервые в жизни Глэдис даже получила несколько премий и призов, в том числе приз за мастерство, за художественность и за личное мужество.

Впоследствии, оглядываясь на те беспокойные годы, Глэдис думала, что тогда она была совсем другой. Удивительно, что делают с человеком обстоятельства. Куда девалась та женщина — бесстрашная и неистовая, чей свободный дух и страстность проявлялись в любом деле? Ну да ведь и жизнь ее стала теперь совершенно иной. Но у Глэдис не было ни малейшего сомнения, что вот эта ее жизнь с Дугом и есть то самое, о чем любая женщина может только мечтать. Все, что она делала для него и для детей, было не менее важным, чем все фоторепортажи и серии снимков, которые она привозила из Анголы, Коста-Рики, Непала и Камбоджи. Талант, принесенный в жертву? Нет, нет и еще раз нет! Она не бросала и не предавала своих достижений — просто она обменяла это на что-то совершенно другое. Любовь мужа — разве этого не достаточно?

Да, Глэдис пережила когда-то эти волнующие моменты, но она сумела преодолеть свою зависимость от них. Это ведь сродни привычке наркомана к сильнодействующему наркотику. Такое пристрастие она, несомненно, унаследовала от отца, который погиб в Дананге, когда ей было

пятнадцать — через год после того, как получил Пулитцеровскую премию за серию вьетнамских репортажей. Возможно, именно это и определило ее будущее на ближайшие несколько лет, ибо Глэдис просто не могла не пойти по стопам отца. Тогда это было главным. Перемены в ее жизни наступили позже, гораздо позже.

В Нью-Йорк Глэдис вернулась, проработав полтора года в разных «горячих точках» и объехав буквально весь мир. И тут же получила от Дугласа форменный ультиматум. Он заявил, что, если она действительно хочет связать с ним свою жизнь, пора перестать «подставлять свою голову под пули» в джунглях Кении или в горах Пакистана. Жить и работать они будут в Нью-Йорке.

Решиться на это Глэдис было непросто. Кочевая, неустроенная жизнь фотокорреспондента была для нее единственной приемлемой формой бытия. К тому же — втайне ото всех — Глэдис мечтала о том, что когда-нибудь она тоже получит Пулитцеровскую премию. Но, с другой стороны, во многом Дуглас был прав. Карьера фотографа разрушила семейную жизнь ее отца и в конце концов стоила ему жизни. Ради удачного снимка он готов был лезть к черту на рога. За пределами его работы для Джека Уильямса не существовало ничего или почти ничего. В сущности, Дуглас просто напоминал Глэдис о том, что если он все еще ей нужен, то она должна в конце концов выбрать между ним и фотографией, между нормальной жизнью и бесконечными скитаниями. Вот и все.

В двадцать шесть лет Глэдис вышла за Дуга замуж и еще два года работала на «Нью-Йорк таймс», делая обзоры и репортажи на местном материале. Дуглас не считал семью без детей полноценной, а Глэдис очень любила Дуга. Родилась Джессика. Глэдис оставила работу в газете и переехала с дочерью и мужем в Коннектикут, окончательно порвав с прежней жизнью.

Это было что-то вроде сделки — сделки, на которую Глэдис согласилась добровольно. Когда они поженились,

Дуг поставил условие: как только появятся дети, она должна будет оставить карьеру фотографа. И Глэдис не возражала. Тогда ей казалось, что к этому времени она будет готова изменить свой образ жизни и превратиться в солидную даму. Все вышло не совсем так, но в то время ей просто некогда стало думать. Заботы о дочери отнимали у нее почти все свободное время. Глэдис еще продолжала тосковать по своей работе в «Нью-Йорк таймс», пусть она и не шла ни в какое сравнение с прежней разъездной жизнью.

Но дальше... дальше в течение пяти лет Глэдис родила четверых детей, и забот у нее стало столько, что некогда было перевести дух. Какая там, к черту, фотография. Пеленки, кормления, первые зубки, больные уши, ясли и беспрерывные беременности — ничто другое не тревожило ее мысли. Акушерка и педиатр стали для нее едва ли не самыми близкими людьми, во всяком случае, встречалась она с ними гораздо чаще, чем с кем-либо еще. Несколько позднее она включала в круг общения других женщин, чьи жизни вращались исключительно вокруг детей. Многие из них тоже когда-то оставили многообещающую карьеру или интересную работу, посвятив все свое время детям, и теперь терпеливо ждали, пока их отпрыски немного подрастут, чтобы вернуться к своим прежним занятиям. Мало кто среди этих приятельниц мог выкроить хотя бы несколько часов в день, чтобы отдаться любимому занятию. Некоторые частенько сетовали, что время уходит чуть ли не зря, но Глэдис никогда не жаловалась. Она, конечно, скучала и была бы рада даже обычным пейзажным съемкам, но решение было принято, и надо его выполнять. Глэдис обладала достаточно твердым характером, чтобы не бросать обещаний на ветер. Да и, честно говоря, Глэдис любила возиться с детьми, хотя к вечеру она обычно чувствовала себя выжатой как лимон. Все-таки четверо за пять лет — это не шутки. Особенно тяжело приходилось, когда она в очередной раз оказывалась в положении.

Но она сама выбрала это. Чего Глэдис не понимала, принимая столь важные решения, так это того, как далеко от прежней жизни уведет ее рождение Джессики. Материнство было для нее понятием довольно отвлеченным, поэтому она просто не представляла себе, насколько сильно все изменится. А когда она очнулась, скинув бремя бесконечных прогулок, купаний, кормлений и ночных бдений у очередной кроватки, то оказалось, что серьезные изменения произошли в ней самой. Сейчас Глэдис сама не захотела бы каждый день оставлять детей, чтобы отправляться на работу. Правда, время от времени — не чаще, чем один или два раза в год — она все же делала кое-какие репортажи по заказам местных или нью-йоркских газет, однако эти съемки не были связаны ни с опасностью, ни с дальними, длительными командировками. Оставить семью даже на неделю — нет, на день, даже на несколько часов! — Глэдис не могла физически. Так она и объяснила своему агенту, который продолжал обращаться к ней с самыми лестными предложениями. (В его списке клиентов Глэдис была звездой чуть не самой первой величины.)

В конечном итоге Глэдис приспособила любимое дело к своей новой профессии матери, снимая детей и создавая своеобразную фото летопись семьи. Иного способа не забыть, где у фотоаппарата объектив, для Глэдис просто не существовало. Порой она чувствовала себя скованной по рукам и ногам узницей, запертой в какой-то невидимой, но очень прочной клетке, прутьями которой служили ее ежедневные рутинные обязанности, сами по себе незначительные, но требующие времени и усилий. И все же Глэдис не протестовала, потому что разве не об этом они когда-то договаривались с Дугласом? Но куда бы она ни шла, куда бы ни ехала, фотоаппарат постоянно был у нее в руке, висел через плечо или, в крайнем случае, лежал рядом на сиденье машины. Без него Глэдис чувствовала себя так, словно у нее поехал чулок или потекла тушь.

Иногда она позволяла себе помечтать о том, что когда-нибудь, когда дети вырастут, она сможет вернуться к про-

фессиональным съемкам, но никаких конкретных сроков Глэдис не ставила. Быть может, рассуждала она, лет через пять, когда Сэм уже будет в старших классах, тогда... Пока же это было совершенно невозможно. Сэму только-только исполнилось девять, Эйми — одиннадцать, Джейсону — двенадцать, и Джессике — четырнадцать. И Глэдис металась между ними как угорелая.

Единственной возможностью немного перевести дух были для Глэдис поездки на мыс Код, где они каждый год проводили летние каникулы. Это время она считала едва ли не самым беззаботным в году. Именно на побережье Глэдис сделала свои самые лучшие детские фотографии, а благодаря тому, что дети целыми днями пропадали у моря, у нее появлялись свободные часы. В коттедже, который они снимали на протяжении нескольких лет, Глэдис оборудовала небольшую фотолабораторию. И, блаженствуя, проявляла там только что отснятые пленки или печатала снимки. Кроме того, на даче — коттедж на мысе Код они в шутку называли «дачей» и считали почти своим — Глэдис очень редко садилась за руль, поскольку в большинство мест здесь можно было попасть пешком или на велосипеде. Даже младшего Сэма Глэдис не боялась отпускать на велосипедные прогулки, поскольку курорт слыл местом тихим и безопасным, да и Сэм уже не требовал постоянного присмотра.

Дети потихоньку росли, и, глядя на них, Глэдис чувствовала, как сердце ее сжимается от радости и гордости. Но вот насколько выросла за это время она сама? Частенько Глэдис жалела о книгах, которые не прочла за недостатком времени, и смущалась, когда при ней обсуждали какое-то политическое событие, а она о нем понятия не имела (к политике Глэдис уже давно утратила всякий интерес). Порой у нее появлялось такое ощущение, будто весь мир продолжает идти куда-то, в то время как она остается на месте. Жизнь ее практически не менялась с тех пор, как у нее родилась Джессика. Эти четырнадцать лет были долгими и трудными,

состоящими из жертв, компромиссов и постоянного душевного напряжения, зато результат... Результат тоже получился зримым, осязаемым, реальным, и у Глэдис были все основания гордиться собой. Ее дети были здоровы и довольны. Они росли в уютном, маленьком мире, окруженные любовью и заботой. Им ни разу не угрожала никакая серьезная беда, и даже обычные мелкие неприятности были в их жизни большой редкостью. Самым страшным, что могло с ними случиться, была ссора с соседским ребенком, выволочка за потерянную домашнюю работу, расцарапанное колено или разбитый нос. А главное — и это было большой заслугой Глэдис, — ни один из ее четырех детей понятия не имел о том, что такое одиночество. Что бы ни случилось, каждый из них непременно получал свою порцию утешений, ласки или строгих родительских внушений. Дуг каждый день возвращался домой, и это поддерживало создавшуюся в доме атмосферу стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Именно этого когда-то очень не доставало самой Глэдис. Отец ее постоянно находился в разъездах и возвращался домой редко и ненадолго.

Вот такие мысли проносились в голове Глэдис. А между тем Сэм, выбравшись из куча-мала, ринулся к воротам соперника и забил эффектный гол. Она едва успела дважды нажать на затвор. Сын исчез, скрытый спинами товарищей, которые со всех сторон обступили его, поздравляя с удачей.

Невольно улыбнувшись, Глэдис еще раз нажала на кнопку спуска и отошла к скамьям, где, оживленно переговариваясь, расположились еще несколько матерей. Никто из них не следил за игрой — все были слишком увлечены беседой. И ничего удивительного в этом не было: спортивные состязания давно уже не были им в новинку, поэтому они не уделяли особого внимания тому, что происходило на поле. Они просто были рядом, составляя такую же неотъемлемую принадлежность стадиона, как скамьи, на которых они сидели.